

Liberalism

Лев Болеславский

*С ЛЮБОВЬЮ,
МУЗЫКОЙ
И БОГОМ*

Москва
2014

ББК 86.3
Б 79

Болеславский Л.И.
Б 79 С любовью, музыкой и Богом. – М., 2014. – 96 с.

© Л. Болеславский, 2014

Лев Ионович Болеславский родился 29 июня 1935 года в Харькове, на Украине.

Детство поэта пришлось на тяжёлое военное время, когда, будучи семилетним мальчиком, он учился читать по фронтовым письмам отца. В каждом письме отец присылал сыну стихи Твардовского, Исаковского и других поэтов. В 1942 году отец погиб и письма со стихами перестали приходить. Тогда-то у будущего поэта и появилось желание писать стихи самому.

«Первое серьёзное стихотворение я написал ко Дню Победы 9 мая 1945 года, мне тогда было около 10-ти лет. С этого великого праздника я и веду свой творческий отсчет», — вспоминает Лев Ионович.

После окончания школы он поступил на филологический факультет Харьковского университета. Работал учителем русского языка и литературы в сельской школе, затем журналистом в многотиражке.

В 1972 году был принят в Союз писателей СССР. Публиковался в центральных журналах и газетах. В Харькове у поэта вышло 5 книг.

В 1976 году Лев Болеславский переехал в Подмоскowie.

Здесь продолжают издаваться сборники его стихотворений и поэм: «Первая проталина», «Ливни», «Удары сердца», «Спектр», «Возвышенность», «День радости», «Русская симфония», «Клавир», «Сын Человеческий», «Море капли», «Озарение», «Ветвь лозы», «Прелюдии», «Музыкальное приношение», «Душа моя, душа живая...», «Гефсиманский сад», «Блаженны любящие», «Любовь не перестает», «Пред лицом Твоим, Господи...», «Скрябин», «Дева

Пречистая», «Благая часть», «Откройся радости, душа!», «Неба открытый урок», «Вереница новых вариаций», «Введение во Храм», «До прикосновения», «Не только на Земле», «В веянии тихого ветра», «Стихотворения и поэмы», «Ручей в небесное море», «По милости Твоей», «А тайна на чистом листке...»

Всего за свою творческую жизнь Болеславский издал 46 книг. Его перу принадлежат поэмы о Бахе, Генделе, Моцарте, Бетховене, Шопене, Листе, Шумане, Россини, Мусоргском, Чайковском, Сибелнусе, Скрябине, Рахманинове, Шостаковиче...

В чем ни искал бы благодать,
Я вечных тайн коснусь опять:
В любви и в теореме строгой,
И в рифмах, льющихся в тетрадь,
И что б ни тщился разгадать,
Везде разгадываю Бога.

В течение многих лет Лев Ионович был бессменным ведущим вечеров органной музыки в Московской центральной церкви ЕХБ (МЦЦ). Его знания и любовь к музыке превратили представление музыкальных произведений в настоящее искусство. Кроме того, Лев Ионович был постоянным участником праздничных богослужений в МЦЦ, сопровождая выступления хора глубокой, духовной поэзией...

27-го декабря 2013 г. поэт ушел в Вечность, но его литературное творчество будет радовать и духовно питать еще многие поколения читателей и слушателей.

Забудут обо мне наверняка,
Но если в души западет немного
Моих стихов иль хоть одна строка —
Пусть вспоминают не меня, а Бога.

«С любовью, музыкой и Богом» — последняя книга поэта.

«Земной художник, к людям выйдя...»

«Блистательный поэт и просветитель Лев Болеславский, всю жизнь отдающий служению великому искусству, исколесил Россию для встреч со своими почитателями. Его проникновенные стихи и поэмы о смысле жизни, таинствах души, о любви и дружбе, людских радостях и печалях, о музыке и ее создателях, о своих раздумьях и духовных прозрениях, о поиске высшей гармонии настолько созвучны внутреннему миру и душевному настрою слушателей, что иные даже не могут сдержать своих слез. Вот лишь некоторые трогательные отзывы на выступления современного мастера из многочисленных писем ценителей его творчества:

«Всегда благодарю Бога за Ваше доброе сердце, красивую душу и за Ваши чудесные стихи. Мое любимое стихотворение «Не жди любви — давай ее» я часто читаю моим друзьям. Моя душа открылась радости. Теперь душа может обнажить хоть сотню лезвий, но я выстою».

«Получила книжечку Ваших стихов. Каждое стихотворение для меня звучит откровением. Сначала прочитала «от корки до корки» взахлеб. Теперь вчитываюсь в каждую фразу, в каждое слово. И не просто читаю, а словно «душа с душою говорит». И от всего прочитанного «дух мой радостно поет...», как поется в одной духовной песне».

«Ваши дивные стихи откроют многие сердца навстречу Истине, Любви, навстречу Господу. Россия так нуждается в этом. Пусть искорки Ваших стихов озаряют сердца. С низким поклоном...»

«Смолчать после Ваших стихов невозможно. После первых же строк поняла, что читаю что-то удивительно редкое, которое никогда не приходилось читать, удивительно родное, возвышенное до плача... Душа моя этого уже давно подсознательно ждала».

Знаменитый составитель сборников цитат и афоризмов Александр Мачехин посвятил 75-летию Льва Болеславского антологию «Она с небес слетает к нам...», которая вышла в мировоззренческой серии «Смысл жизни». В книге, содержащей глубокие познания о назначении поэзии, с большой признательностью говорится и о поэте Льве Болеславском.

«Ваши стихи меня не отпускают — хочется читать и читать. Многое легко запоминается. Чудесные стихи, написаны хорошим русским языком; с одной стороны — легкие, разговорные, с другой — очень философски глубокие. Какое разнообразие размеров, богатство поэтических образов, пиршество изысканных рифм».

«Кажется, что стихи Вам даются легко и органично, вроде бы сами изливаются из автора, как вода из родника. И внешне не заметно никаких следов мук творчества, поисков нужного слова... Вы — поэт от Бога, я бы сказал — Моцарт в стихах...».

Об одном из стихотворений («Сальери»), написанным Львом Болеславским в 1962 году в возрасте 27 лет, отозвался в «Литературной газете» классик русской поэзии XX века Илья Сельвинский:

«Великолепно это ровное напряжение строф, где каждая строка хранит в себе жилку золота. Какой прославленный поэт отказался бы подписать такое стихотворение?»

А вот и другие мысли Ильи Сельвинского (из писем Льву Болеславскому):

«Дорогой Лев Болеславский! Вы прекрасный поэт и совершенно законченный мастер. Читал Вашу рукопись с большим волнением. У Вас есть все, что требуется от большого современного лирика... Спасибо Вам за доставленную радость. Пишите свои *болеславские* стихи. Жалею, что не издатель — я бы такую книжку выпустил «молнией». Жму руку. Ваш Илья Сельвинский», 5 февраля 1964 года.

Вот очередное письмо от читателя: «Дорогой Лев Ионович! Я ошеломлен разносторонностью Вашего таланта, разнообразием интересов, и, главное, естественностью, природностью Вашего поэтического дарования... Просматривая Ваши книги, я не «напал» ни на одно стихотворение без афоризма. Ваши мысли и поэтические краски просто ослепляют и оглушают, как краски Ватто или Ренуара, как симфония Бетховена или Малера. Ваши стихи притягивают к себе читателя...».

И еще один отзыв, только ради которого одного стоило, видеть, поэту всю жизнь заниматься своим благородным творчеством:

«Уважаемый Лев Ионович!

Вот уже более четверти века Вы для меня — Поэт. Впервые с Вашим творчеством меня познакомила девочка, которая в 1982 году провожала меня на службу в Армию. Два года она писала мне, и в

каждом письме были Ваши стихи, которые были пронизаны светом, теплом и — Любовью. Во многом Ваши стихи помогли мне выдержать все «тяготы и лишения воинской службы». Прошли годы, а сердце по-прежнему отзывается теплотой и нежностью при упоминании Вашего имени... Спасибо огромное за Вашу Поэзию, низкий Вам поклон! Если Вы позволите, я бы с огромным удовольствием встретился с Вами. Очень хотелось бы воочию увидеть человека, который стал для меня символом Добра и Любви. Я обязательно найду ту девочку (теперь уже женщину) и приеду с ней...». И эта встреча — состоялась!

Люди тянутся к поэзии, как трава к солнцу... Стихи Льва Болеславского, как искренне признаются его читатели и почитатели, помогают им, исцеляют их души и открывают смысл жизни».

ДНИ

*Перед земным своим итогом
Лелею те из прошлых дней,
Когда по тропам и дорогам
Шёл, осиянный, средь людей*
С ЛЮБОВЬЮ,

МУЗЫКОЙ

и БОГОМ.

Этюды о любви

ДЖОВАННИ ПЕРГОЛЕЗИ

Глаза теперь у Джази неземные, —
Всех ближе стали к небесам они.
Осталось жизни, — ощутил впервые —
Полгода? Месяц? Считанные дни?

А жизнь вокруг! Пьют кьянти в остерии,
И пары на скамьях и во дворе...
Бьёт где-то молот. Вон мастеровые...
И милая его в монастыре.

Нет-нет, он и не думает, конечно,
О той, что нежность в келью унесла,
Чья мать была надменно-бессердечна
И чей отец не думал делать зла.

В окне раскрытом весело и жарко
Красотка, створки ставен растворив,
Всей улице дарила из “Служанки”
Напев Серпины и речитатив.

В базилику ступил — у Иоанна, —
Апостолы, одетые в гранит...
А где же Матерь? В вечности туманной
Там, у Креста, скорбящая, стоит.

Секвенция уже царила в сердце —
Она взошла, как неземной цветок.
Я вижу Матерь! Я сумел всмотреться
И — вслушаться! Но — воздуха б глоток!

Болезнь нещадна. Но сквозь боль заметил:
Она все чувства обострила вдруг!
Неслышимое слышит он на свете,
Хватило б сил и не оставил Дух.

Друзья смеялись: “Рвёшься на природу?
На отдых, Джани? К югу?” А ему
Прибавить только б жизни на полгода,
Чтобы успеть, отодвигая тьму!

Успеть закончить, завершить кантату!
Хоть знал, что будет править без конца,
Покуда смерть не рассечёт легато, —
Ведь совершенство только у Творца.

Как на синкопах, жёсткая повозка
Скакала на ухабах! “Тише, друг!
А впрочем, веттурино, как ни жёстко,
Гони лошадок — в летний край, на юг!”

Он и в пути писал, молился, правил,
То напевая тихо, то свистя,
И некто на него косился справа,
Крутил с ухмылкой пальцем у виска.

Всё песенней звучали, но не проще
Мелодии в оправе скорбных слов.
... Сменяли апельсиновые рощи
Привычный облик северных садов.

Ромашки тамарисками сменялись,
Лианами глициний — васильки.
Вот над заливом солнце засмеялось,
Лаская волн седые гребешки.

Магнолия с бокалами бутонов
Как будто отделялась от земли,
И чудилось, стихают упоённо
В ней, как в гондоле, пчелы и шмели.

Подобно пёстрым бабочкам, порхали
Над цикламеном мелкие цветы,
И облачка мимоз благоухали:
“Скорее к нам! Мы ждём тебя! А ты?!”

Ему казалось: он подсказки слышит
В капелле пальм, сквозь струнные травы,
И в дружной паре горлинок на крыше,
И среди небесной южной синевы.

Зонт пинии при въезде в Поццуоли,
Где жизнь продлит — на месяц^д или год^д
Здесь труд он завершит, напрягши волю.
Здесь песнь свою последнюю споёт.

Здесь дни свои высоко подытожит,
И прежде чем успеют догореть,
Прошепчет он: “Прими же, Матерь Божья,
Мой дар! Теперь могу и умереть...”

Как небо, улыбаясь, заблестало!
Но вечной скорби чистые кристаллы
Рождал квартет, и плыл орган в простор —
Туда, где Мать скорбящая стояла, —
И восходил дуэт в небесный хор.

АНТОНИО САЛЬЕРИ

Кто я? Старик. Ещё, по крайней мере,
Придворный капельмейстер. А людьми
Навеки оклеветанный Сальери,
Не знающий ни дружбы, ни любви.

И что им до того, что столько опер
Я создал! Я — завистник и злодей.
...Как радовался, подарив Европе
Творцов, что стали гордостью моей!

Я помню: кроткий, робкий и, как видно,
Школяр из бедных, в пол-лица очки:
“Я — Шуберт Франц, — промолвил, — из
конвикта.
Возьмёте ли меня в ученики?”

Как заиграл! Как никого, я слушал!
А он уже несколько не робел.
Почувствовал я песенную душу
Того, кто мне играл, как будто пел!

Я помню: Адам, венгр, не из богатых,
Ко мне привёл сынишку своего.
Тот был невзрачен, и камзол в заплатах,
Зато в глазах светилось волшебство!

Мне по душе был гений синеокий.
Его учил я, не жалея сил!
Ни крейцера не брал я за уроки.
Мне юный Ференц дорог был, как сын!

Я всматривался в годы, судьбы, лица,
И раздвигался занавес времён.
В грядущем мгlistом видел славу Листа, —
Да, это он, мой Ференц, это он!

Был у меня и ученик Бетховен —
Мой клавесин под властною рукой
Дрожал, как конь, умчаться наготове,
Или струился не ручьём, — рекой.

Отбросив меланхолию и вялость,
Преследуя неслыханную цель,
Здесь музыка грядущего врывалась
В гармонии, привычные досель!

Мне многое казалось непривычным,
Но через годы, встретив торжество,
Встал дирижёром пушек самолично
В победной оратории его!

Ко мне входили многие с доверьем...
Вот и Констанца, Вольфганга вдова,
Молве не веря, постучала в двери
И сына на ученье отдала.

Мне музыка собратьев слух ласкала,
Но не стирал я гордости с чела,
Когда с “Европы признанной” Ла Скала
В Милане путь в столетья начала!

Но я прослыл завистником... Как странно,
Когда кругом завидовали мне...
Я оперой входил в любые страны,
Известный и прославленный вполне!

Когда дурное возникает в ком-то,
Как заражает множество других...
И лепятся снежинки с грязью — в комья,
А те — в лавину помыслов дурных.

Я знаю: будет и запрет негласный,
Никто меня не станет исполнять...
А музыка, и скрытая, не гаснет
И, может быть, вернётся к вам опять.

Но и иное вдруг — всё ближе, ближе,
Где души будут жёстче и лютей,
И столько оклеветанных я вижу,
Что я! — вконец замученных людей.

...Я в храм ступил, и я поверил мысли
И боль Тому, кто жизнь мою прочёл,
И спрашивал, и плакал, и молился,
И был готов покаяться. Но в чём?

Никто не защитил меня, мой Боже,
И оправдаться пред людьми нельзя,
Когда унижить склонны, уничтожить,
Натравливая прочих и грозя.

Зачем преуспевают так в навете, —
И не наложишь, Господи, запрет?
С лихвой талантов, гениев на свете,
А совестливых не было и нет?

— Антонио! — услышалось внезапно, —
Прости их! За обиды не вини.
Заблудшие, и в ярости азартной
Не ведают сомнения они.

Прости их! Не забудь: ещё есть Вечность!
Воздам тебе стократ! Там чистый свет,
Любовь, и милосердье, и сердечность, —
И больше оклеветанности нет.

ФРАНЦ ШУБЕРТ

С трубкой в зубах, не снимая очков, забывался.
Дни прояснялись и — прятались в мареве дыма,
Если б не песни, сонаты, симфонии, вальсы,
Звуки заветные музыки непобедимой.

Помнил, как хор исполнял фа-мажорную мессу,
Юную, раннюю, вспомнил, как над голосами,
Словно с надеждой ища на земле своё место,
Плыло сопрано, ниспосланное небесами!

В хоре почти незаметна была. Но мгновенно
Преображал её голос — сквозь тьму пролучился!
Кто б мог подумать, но в девушке обыкновенной
Вдруг проступило сияние Девы Пречистой.

Ave Maria! — в нём с юности трепетно пело.
Но вместо Девы в объятиях древней молитвы,
Видел обличье Терезы, любви своей первой,
Милое, с оспинкой, очи прудами налиты...

Там, в Лихтентале, там в церкви Христовой впервые
Встал пред капеллой, конвикт забывая постылый.
Музыка — преображенье! Открылось в порыве:
Дар — дарованье небес. Порученье и сила.

Спал, не снимая очков, чтобы новые ноты
Вмиг — на бумагу, лишь вспыхнут в ночи, как комета!
Разве отложишь? Не вспомнишь потом ничего ты.
Жаль, пианино, хоть старого, в комнате нету.

Вспомнил: по Вене бродил одиноко однажды
Тропами парка, а то берегами Дуная.
Темы — как волны, и весь отдавался он каждой,
Пары прохожих в рассеянности задевая.

Щёголь с цилиндром под мышкой и модница рядом
С пряжкой ажурной, готовой вспорхнуть махаоном.
Вдруг он поймал, замирая, растерянным взглядом
Очи, как пепел, над белым плащом-балахоном.

— Кто Вы? — Судьба твоя.

Ты — перед выбором вольным:
Долго прожить, окружённым семьёй и заботой
И оставаясь безвестным учителем школьным,
Зная тетради, учебники, только — не ноты.

Или людей одарять щедрым мелосом сердца,
Но и покинуть их в 30. — Так рано? — Так рано.
Франц ошарашенно в сумрак пытался всмотреться
Вслед уходящей, спешащей сквозь блеск ресторана.

По Аугартену смех пролетал неумолчный.
Кисти акаций свисали, как белые стразы.
В нежном рожке лепестков голубой колокольчик
Прятал росинки, как россыпь жемчужинок ваза.

Черноголовка внезапною песен потешных
Франца дразнила, как будто играла с ним в прятки,
Прячась в крыжовник, а то упорхнувши в орешник:
Чем мне ответишь, маэстро, гуляющий в парке?

Дул ветерок, раскрывая цветок анемона,
Флюгер скрипел над кафе с черепичною крышей.
Где-то шарманщик усердствовал неугомонно.
Только в душе его стало спокойней и тише.

Сделал он выбор! А впрочем, Творец выбирает.
Это нам мнится и только — свободная воля!
Нищими будем, но если в нас Божье играет,
Предназначение сильнее и страхов, и боли.

Но — и любовь, и она — тоже жертвою станет?
Стой! Ты — куда? — В путь! — душа запоёт и ответит!
Песнь молодит, а стремленье к известности — старит.
Трижды безвестный, но кто всех свободней на свете!

Время его — лишь момент музыкальный короткий.
Ах, не до славы — успеть лишь пропеть озарённо!
Люди — не знаю, а Бог всё услышит до нотки, —
Нас пожалеет, привставши с небесного трона.

Верно, любовь обратится в мелодии! Только
Разве их хватит? Свербит сожаление, ноя.
Не заглушить? Мало, видно, и в песенках толку,
Ежели жизнь так обходит тебя стороною.

Но выплывала молитва святая над песней
И не отпускала до смерти его не случайно.
Ave Maria! За обликом Девы Небесной —
Облик земной, словно тайных два чуда сличая.

Ave Maria! — до ноты любой, до диеза
Помнил, шептал, забывался — и в бездне молитвы
Выдохнул только, как в юности дальней: “Тереза!” —
Милое, с оспинкой, очи прудами налиты...

Так и не снявши очков, уходил в занебесье,
А в голове ещё кладезь неспетых, несметных...
Но оставались уже сотворённые песни,
Чудные звуки, отлитые в нотах бессмертных...

**ФЕЛИКС
МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ**

Прости, я не успел Тебя воспеть...
Как мне мечталось, верилось когда-то,
Что вскоре ораторией, кантатой
Приду к Тебе, забыв мирской успех!

Я сызмала хотел найти того,
Кто станет для души ориентиром,
И отыскал среди всех героев мира
Тебя, Христос! Тебя лишь одного!

Из синагоги старый брадобрей
Меня корил: “Впадаешь, мальчик, в прелесть.
Зачем ты выбрал христианство, Феликс?
Ты, верно, позабыл, что ты еврей?”

Но я ему отвечивал, Христос:
“Всех принимаю. И не отвергаю.
Но есть одна, для сердца дорогая
Та вера, что Спаситель нам принёс”.

Близки мне Будда, Магомет, Моше,
Подвижники, и гуру, и пророки.
Но это только люди. Их уроки,
Их подвиги не выщвели в душе.

Но кто собой пожертвовал, как Ты,
Чтоб всех спасти, взошёл на крест в бесстрашье,
Взял на Себя все прегрешенья наши,
Открыл любовью вечность Высоты?!

Найдём ли в прочих верах у кого
Такого же? О, там преславных много.
Но Божий Сын явился к нам от Бога!
Тебя воспеть хочу я, Божество!

Мне ликованья не перебороть —
В стаккато скрипок и в воздушных скерцо
Растёт догадка радостного сердца:
Всё от Тебя я получил, Господь!

Я ведаю, Христос, кто мне помог:
Тот, кто Тебе внимал когда-то свято,
Кому продиктовал Ты все кантаты!
Да, это Бах! Твой в музыке пророк!

Вернул я ораторию его
Так скоро про него забывшим людям
С их шванками среди безбожных буден,
Где вечное утрачено родство.

И — вдруг подумал, глянув сквозь года:
Не так ли и меня забудут люди,
Лишь свадебный мой марш для них пребудет,
Торжественный, не стихнет никогда?

Мчит в дребезжащих стёклах экипаж,
Молитву заглушая, что родится,
Но выпорхнет из шума, точно птица!
И Ты, Христос, утихнуть ей не дашь!

Но кто-то нашептал: “А ты пиши
В свой нотеносец опусы вначале
Лишь о мирском, о радости, печали,
Меня перья и карандаши”.

И — пел я, и ходил я по земле...
Глядел на горы в воздухе органном,
Где свес карнизный, как крыло орлана,
Прикрыл гнездо тирольского шале.

В Италии я слушал тамбурин
В руках девчушки, юношу с гитарой:
Как яро отбивала эта пара
Ритм сальторелло, разгонявший сплин!

В Шотландии слал старцу я привет —
С вольынкой он стоял неподалёку
В цветастом килте, с сумочкою сбоку,
С чертополохом, что в петлицу вдет.

Ах, Англия, — она других милей, —
Развеивались серые туманы,
Когда рукоплесканья безобманно
Меня встречали с музыкой моей!

А родине стократ воздал опять —
Не только рощи, и луга, и реки,
Но мудрость Гёте, и её, навеки
Любимую как сладко воспевать!

Жизнь переплавил в музыку свою!
И — подступаю к главному всё ближе!
Я так боюсь: вдруг искажу, унижу
Твой Лик, Христос! И всё же — воспою!

Но что со мной? Откуда слабость вдруг?
И ноты я писать уже не в силе...
Сознание теряю... И Сесили
Уже не вижу... Темнота вокруг...

Так неужели, Боже, это смерть?..
Зачем среди мирской своей отрады
Откладывал я главное, отклады...
... Прости, я не успел Тебя воспеть.

АЛЕКСАНДР БОРОДИН

За Гейдельбергом вечерами — с Катей!
Как фосфор, Неккар блещет при луне.
Холмы и скаты, и цветная скатерть
Лужайки: “Славно, что пришли ко мне!”

В соседней роще щёлканье и пенье.
Меж тем, смотря на Таунус за ней,
Рассказывала Саше о Шопене,
Всех покоровшем музыкой своей.

Он ей внимал, на бледный профиль глядя,
И думал: “Боже, как тебя люблю!..”
Все мои ноты в этой милой пряди,
Как на линейках нотных, их коплю!”

Она опять о вальсах, о мазурках,
О вдохновенье на пределе сил.
Он вспомнил — по звучанью — о мензурках:
А вдруг спиртовку я не загасил?..

Скорей в лабораторию! Катюша,
Прости!!! Меж склянок в реактивах он,
Весь упоенный опытами, слушал
Растворов шип, их диалог, и звон!

До бензоила фтористого, право,
Рукой подать! Тьма проб — и что с того!
Призвание — наслажденье, не забава!
Он новое даст миру вещество!

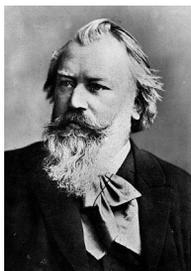
Вдруг в нём очнулось и пропело что-то,
“Восьмушек” и “шестнадцатых” игра!
Он на клочок бумаги эти ноты
Карандашом занёс ещё с утра.

Домой, пока не стёрлись! Крыть бы лаком...
Без музыки теперь и день немил!
Всё ж в ней призванье! Он почти что плакал,
Спеша к роялю, к клавишам немым.

Что сочинит? Но знал уже заране:
Он для любимой выдохнет квинтет!
Постиг: есть то, что выше всех призваний, —
Любовь, её необъяснимый свет!

Не знал, что будет разрываться часто
Между наукой, музыкой и ней,
Измученной бессонницей и астмой,
В сплошных заботах беспощадных дней.

Ещё успеет мир обогатится
Его душой, где чётких три тропы,
Покуда вдруг создатель “Богатырской”
Не рухнет среди пляшущей толпы...

ИОГАННЕС БРАМС

Как мог он перепутать поезда...
Он так спешил, чтобы проститься с милой...
Но опоздал. На жизнь он опоздал.
Успел лишь бросить горсть земли в могилу.

Он бросил бы туда и горсти нот,
Что без неё не создал бы, наверно.
Надолго ли её переживёт?
Он это понял, ощутил мгновенно.

Прошёл он к Рейну через шумный Бонн,
Весь в скорби Четырёх напевов строгих, —
Писал в предчувствии прощанья он
Их год назад, исполненный тревоги.

Причал из брёвен. Ветхий частокол.
Речной трамвайчик в смехе молодёжном.
Сел на скамейку возле Alter Zoll,
Вдруг старым став, как стены той таможни.

Плед, стиснутый булавкой на груди,
Свисал с понурых плеч. Над бороною
Дрожали губы. Пусто впереди.
Без Клары — всё ничтожно и бредово.

Вернулся на вокзал. О чём, о ком
Теперь мечтать? Куда вагон несётся?
Тянулась пара рельсов за окном,
Как часть разрушенного нотоносца.

Куда б теперь ни мчались поезда,
Уже он никуда не опоздает.
А впрочем, и не надо никуда.
Во всём бесцельность тут же опознает.

На ветках, точно ноты, вороньё.
Он вдруг подумал: хорошо, быть может,
Что не увидел мёртвою её.
Её улыбкой жизнь он подытожит.

Он вспомнил детство в горькой суете, —
Играл матросам в кабачках. Внезапно
Переходил к Бетховену, — и те
Плясали под Бетховена азартно!

Как всё преобразилось в нём, едва
Родился пламень творческого жара,
Когда услышал Шумана слова, —
И в комнату вошла с улыбкой Клара!

Он ощутил: в нём ширилась, росла
Волна гармоний! Прорвались сонаты!
Квартеты, трио, песни без числа!
Душа жила в упорном остигато!

Он вспомнил, как за Кларой в Роттердам,
Уехавшей внезапно на гастроли,
Два дня спустя помчался следом сам,
Не выдержав тоски, как страшной боли.

Он сорок лет одну её любил!
И то, что звали дружбою вначале,
Судьбою стало. Сорок лет он был
К её глазам привязан и — к печали.

Но убеждал себя он вновь и вновь:
Хотя и дорожит своей свободой,
Не меньше страх, что быт убьёт любовь,
И чудо чувства похоронят годы.

Да, славы и признания достиг.
Он Богом взыскан — МУЗЫКУ услышал!
Но, лишь утратив Клару, он постиг:
Любовь была подарком наивысшим!

В нём пела переключка душ двоих —
Их переписка — на высоком звуке!
Их многолетней нежности дневник,
Одoleвавший тягости разлуки.

О Книге жизни он подумал вслух:
Прощанье — не последняя страница?
С потерей Клары он теряет дух.
Проститься с ней — не с жизнью ли проститься?

Но — вечность есть! Хотя утрат не счесть...
И — прошептал: “ Я знаю, знаю, Боже:
Надежда есть, когда в нас вера есть.
И всё ж любовь — всего на свете больше!”.

ВАЛЕНТИНА СЕРОВА

(Первая в России женщина – композитор)

Когда творец “Юдифи” и “Рогнеды”,
Супруг любимый эту жизнь покинул,
А после сын, – её, казалось, беды
Вконец согнут. Но – выпрямила спину!

Склонила твёрдый взор над нотным станом –
Там опера, последняя, к тому же, –
Серова... И отныне неустанно
Продолжит труд учителя и мужа.

Закончит пятым актом “Вражью силу”,
Хоть помнит: ей, быть может, не по росту,
Но и сама когда-то сотворила
И “Муромца”, и “Уриэль Акосту”.

Трудясь, отринет всякие напасти,
Пренебреженье, неустройство быта,
И слезку шпиков, травлю тёмной власти,
Извечное мурло антисемита.

Да, ведает и эту вражью силу –
Угрозы черносотенного быдла,
Когда проносит гордо по России
Библейские глаза сквозь все обиды.

Теперь она – вся мужа продолженье,
И ведает, что жизнь её – сложилась,
Что всё – сложенье, ежели – служенье.
Нет вычитанья, что бы ни случилось!

А впрочем, что о ней известно людям,
Об урождённой Бергман? Лишь женою
И матерью она была и будет.
Серовой! И — неважно остальное.

А в памяти — то гул консерваторский,
То Рубинштейн, а то — деревни где-то...
Судосево да Сябринцы — не стёрся
Их след в душе: дала чуток им света!

Как пареньки крестьянские азартно
Там из досок сколачивали сцену!
Сыграют пьесу для окрестных завтра,
Споют из опер что-то — непременно!

Столовая для бедных, дом сиротский,
Хоры в деревне, и рояль в даренье...
Да разве что из памяти сотрётся, —
Что арии из дорогих творений!

Вернуться б в Домотканово... И снова
Очнуться среди радостного шума,
Обнять бы Тошу, с ы н о ч к у родного,
Спектакль поставить, оперу придумать...

Но это только мнится... На мольберте
Оборван холст. И ни мазка на белом,
Подобном снегу, чтоб не вскрикнуть: “смерти!”
Но к ней готова более, чем к бедам.

Почудилось: опять проходит парком,
И вот она — за девятью прудами,
Где луг смеётся разноцветьем ярким,
Лес в соловьях и славках, как с приданным.

Глядит тихонько сквозь кустарник редкий —
Там дрозд — ему покуда не до пенья, —
Взмахнув хвостом, устроился на ветке
И носиком перечищает перья.

Он запоёт! Он — певчий! Да восславим
Земную жизнь, дарованную Богом!
Хоть вслед родным и мы её оставим...
Нет, всех увижу сразу за порогом!

А здесь — лишь к нотам припаду, к портретам,
Прощаясь с миром, бывшим столь суровым...
Но полнятся глаза небесным светом
От Господа, её принять готовым!

Ах, вспомнят ли, что, остальных не меньше,
России дух и славу воплотила,
Став первым композитором из женщин?!
Ах, вспомнят ли Серову Валентину?

ВАСИЛИЙ КАЛИННИКОВ

П р о щ а н и е

...Сползти с кровати, чтобы только взять
Трезвучье си мажор на фортепьяно,
Иль выйти с Соней на балкон опять, —
И даль всплывает, как фата-моргана.

Пробьётся солнце сквозь декабрь в Крыму, —
И заиграют в искрах волны моря!
И чудится ему, что, как корму,
Покачивает дом, трезвучью вторя.

Миг — и уже меняется оно,
То сталь блеснёт, то дым клубится сизый.
Капризом бриза преображено,
Одето вдруг торжественною ризой!

В его волнение, в вечности его
Скрыто обещание: безмерна
И вечна будет жизнь, как торжество,
А не конец, не гибель, не inferно.

Он чувствовал, как память приняла
Наследство зренья и богатство сердца,
Перемешала года времена,
Чтоб без границ в единое всмотреться.

Нырни же в детство и глаза закрой,
И вот уже не море, а безбрежно —
Купальницы волною золотой
Или купырь метелью белоснежной!

Вот лютик, точно зябкого птенца,
Прикрыв бутон листочками своими,
В упор на солнце смотрит без конца,
Чтоб стать желтее и неугасимей.

Вот первоцвет, вобрав поток лучей,
Приветствует апрель и птичьи клики.
К ручью, нежнее всё и горячей,
Льнёт тающее кружево гвоздики.

Вон к озеру ушла плакун-трава,
Вон в серебристом войлоке лапчатка.
Калужница в воде видна едва.
В пушице пчёлка засыпает сладко.

Калина! Я Калинников, я свой!
Пять лепестков, слепящих белизною,
Как медальоны на груди лесной,
Передо мною под листвою резною!

Листок, слетая и свершив кульбит,
Заигрывает с репницей жеманной.
Вот сойка жёлудь яростно долбит,
Его ногою к ветке прижимая.

Под дубом, у засохшего ствола,
Торчок томится, тщетно солнца чая,
А рядышком поляна так светла —
Не только от пыланья иван-чая.

Вон славка-пересмешница, шая,
В крыжовнике свистит. Чуть-чуть правее
Над шпорцем любки хоботок шмеля
Склонился среди кашки и пырея.

Косясь на паука, дрожа слегка,
Фиалка стеблем держит на подвеске
Цветок, словно живого мотылька, —
Вот-вот вспорхнёт и скроется в подлеске.

Рогач пытливо шевелит траву.
Вздох ветра — то всерьёз, то понарошку, —
И разойдётся для семян по шву
Сухой стручок мышиноного горошка.

Листок кислицы жаждет стать цветком, —
Как брезжут в нём тычинки с лепестками!
Под ним с шуршаньем ёж ползёт тишком,
В свой скит на иглах яблоки таская.

Вон ходит возле лужицы скворец, —
То вперевалку, то весёлым скоком.
Попил, взглянул вокруг и — наконец
Вспорхнул — куда? — далёко и высоко!

Ползёт, как будто станет звонарём,
По стеблю колокольчика кузнечик,
В осиннике, как в церкви, озарён
Росинками, что искрами от свечек!

Едва шапчонку клевера сорву
Да разотру меж пальцами — и в мёде
Утонет день и напоит траву
Благоуханьем сладостных мелодий!

А вон, гляди, заплакал нежный луг
Кукушкиными слёзками, — с цветами
В штрихах лиловых, в пятнышках вокруг,
Как будто это ноты перед нами!

О, сколько в лесе музыки земной!
Подслушать, воплотить на нотном стане!
Да не успею... Стаял праздник мой,
Умчался вместе с перелётной стаей.

Он вспомнил с братом давний спор в саду, —
Тот, воротясь из храма после спевки:
— Я за небесным Регентом иду,
А мы играем пьесы-однодневки.

За эту жизнь, Василий, не держись!
Т а м нам Творцом обещано так много!
Здесь музыкой хотим украсить жизнь,
Т а м жизнь сама — как Музыка от Бога!

— Но, Витя, з д е с ь дана нам россыпь нот,
И ныне твой пятиголосный разве,
Когда он “Херувимскую” поёт,
Не славит эти дни, как дар и праздник?!

Что б вечность ни сулила, только где
Увидим это? Сторона родная!
И женственней, чем лилии в воде,
Найду ли что, от радости рыдая?!

— Жить надо Небесами — там Господь,
Жить надо вечным — пред Отцом Предвечным!
— Но чувствует душа моя и плоть
Творца и з д е с ь, и в мире быстротечном!

Земное время — от Небес самих,
Совсем не миг меж прошлым и грядущим,
А всё перетеканье мига в миг —
До вечности, куда стремятся души.

Пред тем, как скоро горнее приму,
Как жажду я — с последнею любовью —
Признание громко прокричать всему!
... Но вырывался только кашель с болью.

Он задыхался... Воздуха просил!
Сдавила горло опухоль клещами.
Как, Боже правый, не хватает сил
Уже даже для шёпота прощанья...

Но брезжила в сознании его
Симфония — и небу, и отчизне:
Вся — торжество, со всем земным родство
И оправданье столь короткой жизни.

И что нам до зоилов заказных,
Лепечущих о “квинтах параллельных”?!
Есть дух, который в музыке возник!
Он дышит на просторах беспредельных!

Мир, обретая радость, зазвучал,
Ему казалось, в си-бемоль мажоре!
Не на Земле и море — наш причал, —
Мы в вечность вырываемся из горя!

Пробилось солнце сквозь декабрь в Крыму,
И вновь бесхмарна неба бесконечность!
... Когда пришёл Рахманинов к нему,
Калинников ушёл спокойно в вечность.

РАХМАНИНОВ

1.

Волхонкой шёл под перезвон дождя,
Запутавшийся в чувств неразберихе,
И в Храм Христа Спасителя войдя,
Забыл о смуте. Пели “Свете тихий”.

Вбирали уши, как молитвослов,
Распев, то строгий, то, как вяз, ветвистый,
И поднебесность женских голосов
Будила бас глубинный октависта.

Вбирали, как прозревшие, глаза
Священника в пурпуровой фелони,
Старушек, целовавших образа,
Алтарных врат раскрытые ладони.

Душа вбирала тайну...Горний свет
Пришествия на землю Бога-Сына —
День вечности сверх времени и сверх
Пространства наполнял её всеильно.

Овеянный дыханием лесным,
Сходил с иконы, сгорблен, весь стяжанье
Святого духа, кроткий Серафим,
Мирские треволенья остужая.

Казалось, тайно говорили с ним,
О чём-то вопрошали, в душу глядя,
Смоленская и к ней прильнувший Сын
В серебряно-струящемся окладе.

Тут шум мирской в душе его затих.
Свечу затеплил, низ её оплавил
И пред распятым в бликах золотых
Её в гнездо подсвечника поставил.

В распеве, ширясь, проступал простор.
Но где же клирос: в церкви или выше?
Откуда вырос сей незримый хор?!
Дошёл до звёзд или оттуда вышел?!

В распеве Русь росла за кручей дней,
Где человечье с птичьим однозвучье
И где ручьи тем чище, чем древней,
И чащи, чем древнее, тем дремучей.

В безбрежной простирались широте
Поля перед Андреем Первозванным,
Идущим Русью с вестью о Христе
К древлянам, весям, кривичам, поляням...

Как лёгок шаг среди лугов и вод!
Всё ближе, ближе! Вслушайся скорее!
Он и к тебе, заблудшему, идёт
С молитвой сокровенною своею.

О, если бы в душе до грани лет,
Среди людской толкучки и шумихи,
Жил только этот тихий Божий свет,
Струился только этот "Свете тихий" ...

Из храма вышел...Дождь почти иссяк.
Волхонка в листьях и цветах намокших
Перебирала бисер на кустах
И примеряла радуги кокошник.

В руках курсисток чёрные зонты,
Отряхиваясь, складывали крылья,
Пролётки и авто средь суеты,
Откинув верх, по лужам путь торили.

Но отчего, едва покинул храм,
Опять отдался мыслям, чувствам прежним,
Привязанный к контрактам, поездкам,
Ангажементам, отзываю небрежным?

Но что его так держит, вопреки
Открывшемуся свету? Вспомнил снова
Зал Петербурга, хлипкие хлопки,
Глухое дирижёрство Глазунова...

С тех пор не пишет третий год уже...
Всё мечется, всё мучится без меры.
Он с болью осознал: его душе
Всегда, увы, недоставало веры...

Но слышал, слышал: шумы одолев,
Словно ведомый канонархом неким,
В нём снова ожил знаменный распев,
Не побеждённый сумасшедшим веком.

Нет, не были лады ещё одним
Моментом музыкальным, и, казалось,
Он будет жить, пока пребудет с ним
Тот лад в душе, его исток и завязь.

Струился глас в самом июньском дне!
Он дух во всём почувствовал впервые,
Как небо — в птице, мелос — в тишине,
Как стих — в стихии и как Русь — в России.

2.

Приснилась жизнь под знаменный распев,
А с ней и не прожитая, другая,
Что он отверг, постигнуть не успев,
Посев грядущих нот оберегая.

В той — он любил. В той — Верочка Скалон
В окно бросала для него черешни,
И — отрывался от рояля он
И — из бильярда, к ней, за ней, в орешник!

В той — в лодке, от внезапного гребка
Она к нему рванулась на мгновение,
И изумлённо вдруг его рука
Открыла волшебство прикосновенья!

В той — в небо отрывались от земли
И письма бесконечные писали,
А в этой — разом письма все сожгли, —
И пепел перемешан с небесами.

В той — он любил. А в этой обрубил:
Моя тропа ещё не проторилась.
Ещё я полюблю. Не полюбил.
Вся жизнь прошла. Любовь не повторилась.

А может быть, иллюзия одна —
Решенья наши и свобода воли
И кем-то жизнь предопределена
До малой доли радости и боли?

Но всё, что не случилось, не сбылось,
Случилось и сбылось в незримом мире
И мреет здесь переложеньем слёз
И перевоплощением в клавире.

А эта жизнь, в ошибках, в маете, —
Лишь бедное подобие, не боле,
Той истинной, что в высшей полноте
Идёт без нас, не изменив любви?!

Нет-нет, тогда в курьерский сел не он,
Нет, ни в Стокгольм, ни в Мальме не поехал,
А соскочил с площадки на перрон! —
Ему в России жить ещё полвека!

Опять, опять услышит три звонка
В консерваторском зале! Пред густыми
Басовыми ударами рука
Лишь на мгновение тяжело застынет.

И — поступь темы! И — навек разрыв
С зальдельм миром! Дале — половодье!

Рояля или озера разлив?!
Разлив души иль хлынувших мелодий?!

И — прочь со лба корону льда Ильмень,
И карийоном в Новгородском храме
На праздник Пасхи многозвонный день
Раздвинет даль с грачиными хорами!

В раздольных водах тонут облака,
И утопают поле, пойма в травах,
Кусты ольхи и ветви ивняка...
Родная даль в осинниках, дубравах,
Как Китеж, погружается в века...
Иль это тонет в клавишах рука,
Две терции сливая в двух октавах?!

Он будет жить, как прежде, на Страстном,
Он время и страну в лицо рассмотрит.
Да, здесь он будет и в тридцать седьмом,
И он другой напишет “Остров мёртвых”.

Россия! Клином на тебе сошлись
Две жизни. В той неразлучим с тобою
И в муке разделил с тобою жизнь,
А в этой — мучим без тебя тоскою.

А в этой он всё больше — пианист,
Стейнвея гений, и — в концертном гоне
Всё меньше он, как в юность ни тянись,
Зиждитель, автор золотых гармоний.

Нет, никому не надо знать о том,
Что за суровым, отчуждённым ликом
Непрожитая жизнь рыдает в нём,
Готовая вот-вот прорваться криком.

Бог не диктует. Словно онемев.
Во сне ли, наяву бредёт он сиром,
По Беверли под знаменный распев,
А сквозь него — всё резче — Dies irae.

1992 г.

ОЛИВЬЕ МЕССИАН

КВАРТЕТ “НА КОНЕЦ ВРЕМЕНИ”

Когда попал он в плен, заглохла медь
Его оркестра. Не вздохнуть всей грудью.
И в мире больше музыки не будет,
И птицы перестали в рощах петь.

Но “эти” тоже музыку любили,
Но “эти” заставляли их играть.
Сникали обмороженные крылья
Мелодий, чтобы в небеса — опять!

Он вспомнил Откровенье Иоанна
И, проволокой с током окружён,
Подумал: время дьяволова плана,
Начало окончания времён.

Здесь в лагере, близ Гёрлица, свой страх
Презрев, — по снегу, а не по паркету
Ходил он в деревянных башмаках,
Мурлыча темы нового квартета.

В тот день, в Шталаге, жёг своей игрой
Орган пурги. А он в одежке рваной
К расстроенному сел фортепиано,
Где западали клавиши порой.

Одной струны в виолончели нет,
И залипали клапаны в кларнете...
Но нет конца времён на белом свете,
Покуда вечен в наших душах свет!

Ну, что ж, за дело, дорогой Этьен,
Ко мне, Анри, и ты, скрипач печальный!
И времени, чьё близко окончанье,
Преодолеем дружно плен и тлен!

Веди, кларнет, сквозь мин разрывы соло
Свободных птиц, их трели, крик и зов!
Над проволокой слышите дроздов
И бездну певчих, пересвист весёлый?!

Офицерье и строгая охрана...
Но сзади заключённые... Цветком
Расцвел квартет — и в стуже окаянной
Пошёл Христос, сгибаясь под крестом.

... Когда пришло освобожденье всё же
И выключен был ток из ста оград, —
В Париж! Там воздух — как дыханье Божье,
И в каждом звуке — свежесть, высь и лад!

С себя стирала блеск свинцовый Сена,
Улыбками мосье, мадам искрясь!
Прибавь мою и будь благословенна
И осиянна от счастливых глаз!

Ещё до Церкви Троицы, органа, —
Туда, где птицы, в Люксембургский сад!
Дождался ли меня мой брат названный,
Мой чёрный дрозд? Как пеночки свистят!

Готов он снова с самого утра
Будить друзей — скорей в сады и рощи
Пернатых слушать — там поют, не ропщут,
Но лишь любви и радости игра!

И оживают клапаны в кларнете,
Виолончельным струнам сносу нет,
Рояль и скрипка обнялись в квартете!
И нет конца времён на белом свете,
Покуда вечен в наших душах свет!

Новеллы о любви

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

Он чувствовал призвание своё:
Оставив службу в Соляной конторе,
В Белёве стал учителем её,
Девчоночки, но — с тайною во взоре!

Они друг друга поняли за миг
И приняли друг друга без вопросов.
Но слишком много счастья для двоих
Из зависти лукавый не выносит.

Родство по крови было их врагом,
Но душ родство — столь непонятно многим,
Что тучи осуждения кругом,
А взгляд сестры стал беспощадно строгим.

Просил он Катерину столько раз.
— Но вы ж родня! — отрезала поэту.
Вновь сватался — и снова был отказ.
Но что запреты, что для них запреты!

Когда на фланге у Бородина
Поручиком стоял он в ополченье,
К нему незримо меж полков она
Шла в ангельском, казалось, облаченье!

Когда он пел про ратные дела
И рифма в рифму била, как кресало,
Мария за плечом его была
И, чудилось, словечко подсказала!

Когда в учебной комнате дворца
Он наставлял наследника престола,
Вдруг вспыхивал от милого лица
Далёкий свет, то грустный, то весёлый!

Он в свите цесаревича свершал
Вояжи по Сибири, по Европам,
Но всюду к ней рвалась его душа, —
И слышал шёпот, тихий плач и ропот...

— А как там Маша? — думал он в тоске,
И доносилось, как ответ, до уха:
— А как там мой Базиль? — и вдалеке
Два эха плыли, чтоб войти друг в друга.

То в Дерпт он мчался, то летел в Белёв,
Чтоб, вместо ста записочек коротких,
Глаза в глаза узреть свою любовь
И голос услышать, родной до нотки!

Лишь вспоминал о Маше, и цветы
Вокруг благоухали, и лугами —
Он видел! — гений чистой красоты
Плывёт среди ромашек с васильками!

Но вдруг подумал: может, правда в том,
Что есть в недостижимости защита
Очарованья в нимбе золотом
От торжества успокоенья, быта?..

Внял Провиденью: сердцу не пылать...
Он проиграл, и с лирикою нежной
В тетради крест могильный на полях
Стал рисовать, прощаясь с жизнью прежней.

Он укротит и свой порыв, и нрав,
Преображенье чудное он ведал,
Смиренью с поражением придав
Смысл обрётённой нравственной победы.

А Маши больше нет... Взнесли крыла
Двух ангелов с Земли её, наверно,
Туда, где никакого больше зла!
Он тоже хочет в этот мир безмерный!

Там их никто не сможет различить,
Там разрешенья для любви не надо.
Там принимают Божии лучи
Благословенья, милости, отрады.

На небеса безмолвные, крестясь,
Почти слепой, глядел и ждал итога.
Не думал о себе в последний час, —
— А как там Маша? — спрашивал у Бога.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Там страсть была. Как часто искажала
Родник любви... Не укрощая пыл,
Он поддавался молодому жару
И быстро разрешить его спешил.

Казалось, потянулся к Каролине
Всем сердцем — безотчётней и светлей,
Но снова страсти чувства раскалили,
Разрушив нежность прямоюй своей.

Как наряжал стихи, даруя Анне,
Пел о небесных, ангельских чертах!
Про чудное мгновенье, обожанье!
Но знал, что в жизни было всё не так...

В одном замесе с африканской плотью
Кипело в нём так много жадных сил,
Что к Небу он молитв не возносил,
Блаженствуя в своём земном полёте.

Но средь беспечной радости мирской
На час безверье отступало вроде,
И признавался сам себе с тоской,
Что Божества покуда не находит.

Источник наслаждений даже в муке
Притягивал, манил его вдали,
Не через душу больше, — через руки
Они, им соблазнённые, прошли.

Что видел в каждой женщине? Лелея
Скорее плоть, соблазн, потом лишь — взор.
Прошло их столько... “Брал” их, не жалея.
Порой ему казалось: словно вор.

Но чем сильнее плоть одолевала,
Тем — ей в противовес — стихи нежней!
В нём душу жгла тоска по идеалу,
Вне тьмы распутств, вне всех земных страстей.

И на балу у Йогля, изумлённый,
Увидел, вдруг смирившую его,
И прежде, ненасытно заземлённый.,
Он ощутил впервые Божество!

Певуче, дольче, величаво, тише
Оркестр дарил то вальс, то менуэт.
Но музыки, что он в себе услышал,
У Моцарта или у Глинки нет.

Почувствовал чистейший образец
Той прелести чистейшей, что внезапно
Над грешным прошлым встала, как резец,
Отрезав страсти от сиянья “завтра”.

Так нас неожиданно настигает чудо,
И мы не знаем, трепетно склонясь:
Что это с нами? Отчего? Откуда?
И почему преобразило нас?!

Так осенило гения России:
Впервые счастлив он! И, наконец,
Любовь и вера в нём слились впервые,
И он сказал: “Благодарю, Творец!”.

Ты, Боже, верно, исподволь, не сразу,
Чрез сто моих порывов и грехов
Провёл, точно к снегам вершин Кавказа,
К той истине, что чище всех снегов!

В нём свет торжествовал! И он мгновенно
Постиг: есть Божий свет между людьми!
Открылось вдруг: ничто любовь без веры,
Ничто и наша вера без любви.

Шептал, тоску постылую отринув
И смыв плотину бесконечных дел:
“Отныне одного лишь я б хотел:
И жить, и умереть христианином!”

Казалось, восторжествовало зло,
Когда он пулю от Дантеса встретил.
Но встал пред смертью над самую смертью:
Он главное успел узнать на свете,
И главное — бессмертье обрело!

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Он чувству отдавался не однажды,
Но с каждой встречей множилась тоска:
Ни в ком не отыскал такой же жажды,
Ни в ком такой любви не отыскал.

В любой искал он мамины черты —
В улыбке, в тембре голоса и в жесте...
Но в ком, но в ком найдёт он облик женский
Столь ангельской, небесной чистоты?

Когда на богомолье с Катериной
Пошёл он в Лавру, в Сергиев Посад,
Как ликовал, что вера их едина, —
Сердца их тоже будут биться в лад!

В Средниково, как в самообмане,
Писал ей пылко, — но стихам в ответ —
Насмешливость и самолюбование
Кокетки, и души, конечно, нет...

Когда же страсть к Наташе Ивановой
Заставила забыть себя и мир,
Ему надежда улыбнулась снова,
Но перед ним был “мраморный кумир”.

Писал в альбом, переходил на стансы
И верил вдохновенью своему!
Но насмеялась над восторгом страстным
И изменила, хохоча, ему.

И мысль его внезапная прожгла,
Что женщина, с которой ждёт он чуда,
Наверно, раньше в вечность перешла
Или на Землю не пришла покуда...

Но Варенька, но Варя! — так близка
Была его земному идеалу,
Что если и не таяла тоска.
Её надежда преодолевала!

Во взоре, полном тихой синевы,
Почувствовал он родственное что-то,
В медлительном наклоне головы,
Лишь повернулась вдруг вполоборота.

Он уловил в ней мамино! — на миг...
Пахнуло детством, ласкою... И в муке,
Казалось, вспомнил мягкость рук родных
И отдалённой колыбельной звуки.

Нет! Нет! Она не дождалась его,
И — с нелюбимым... Понял: не осталось
На этом свете больше никого,
И тут же юность обратилась в старость.

Друзья? Они не лучше и не хуже.
И в жалком поколеньи друга нет.
Что пансион, что университет,
Тенгинский полк, что лишь убийству служит.

Он холодел среди холодных дней,
И страшно стало, оттого что понял,
Что горы любит больше, чем людей,
И он к Кавказу протянул ладони.

К щеке холма — щекою ледяной...
И вдруг увидел ящерку: застыла —
Глаза в глаза, — и ощутил он силу
Их единенья на Земле одной.

В себе он волю к смерти подстерёг.
Там, в лучшем мире, те, кто не обманет.
И та, кого он здесь найти не смог,
Глядит оттуда — ждёт, и жжёт, и манит!

Там мама улыбается, светясь,
Там песня колыбельная и детство!
Он ринулся с надеждой на Кавказ,
Под пули — где моя же, наконец-то?!

...Теперь он — т а м, где весь с мечтой своей!
А здесь, глядим: оставил нам так мало —
Горсть строк, каких прекрасней и больней
Ты, Русская Поэзия, не знала...

ФЁДОР ТЮТЧЕВ

Да, он любил. И — страстно. И — не раз.
Родною становилась жизнь чужая,
И жил, неудержимо обожая,
Но всё ж душой ни в ком не растворясь.

Он первую жену с любовью вспомнил,
Эфирный лик, светящий вдалеке!
Элеонора! Прошептал в тоске.
Как преданна была!.. — всем сердцем понял.

Он вспомнил тот пожар на пароходе.
К нему в Турин она плыла тогда.
Но страшная обрушилась беда.
Казалось, боль с годами не проходит...

Представил, как на палубе кричали...
Казалось, видел ужас милых глаз.
Держа детей, через толпу рвалась.
Босая, с чуть прикрытыми плечами.

Но сил потом ей не хватило, чтобы
Жить снова, потрясение глуша.
И в вечный мир страдальца ушла,
И в ночь одну он поседел у гроба...

А ныне с ним жена его вторая.
Прощает Теодору все грехи.
В тетрадку пишет Тютчева стихи,
С ошибками лист за листом марая.

Порою нездоровый и усталый,
Которому уже не до похвал,
На те описки, раздражась, пенял, —
Она ж перечить милому не стала.

Его вину сквозь сердце пропустила,
И верный друг, и “кисанька” его.
В её смиренье чувствуя родство,
Шептал он благодарно: “Эрнестина!”

Откуда ж взрыв неожиданный, незаконный —
Среди любви вдруг вспыхнувшая страсть
К другой, с которой был готов пропасть!
Елена! К ней прикован. Нет, закован!

Елена! Леля! Приговор суров
И отозвался в жизни рваной раной.
Пред ней закрылись двери всех домов.
Где так вчера ещё была желанна...

Да, проклята отцом. Да, и подруг
Почти не стало... Но весь мир отныне,
С любимым соблазном, заменил он вдруг!
Лишь смерть её от Фединьки отнимет!

Он вспомнил их вояж на Валаам,
И монастырь. И свет благословенья.
Казалось, кто-то с этого мгновенья
Их судьбами легко повелевал.

И что с того, что, сторожа любовь
И доказательств требуя, Елена
Не ставила и в грош его стихов, —
Нужны лишь те, где их любовь нетленна!

От требований уставал подчас,
И было в ней болезненное что-то...
“Ты — мой? Ты — мой?” — почти ожесточась,
В лицо бросала Фёдору без счёту.

Ещё не знал предчувствия её,
Что скоро он раскается, конечно.
Когда она уйдёт в небытие, —
Годами будет плакать безутешно.

... И вот теперь страдания стали сном.
Любой порыв унялся, за спиною...
Лишь сотни строчек, пахнущих весной,
Дыхание живое с ним и в нём!

И вот теперь, как бедное растение,
Поник... И вдруг из прошлого, светла,
В дом к старику, кто угасал в постели,
С букетом роз Амалия вошла!

Да, это — та! Она, “младая фея”,
С кем, юный, над Дунаем на холме
Стоял вдвоём, ещё обнять не смея...
Руины замка видел в полутьме...

И тут он понял: первая любовь
Превыше всех, и страстных, и потешных,
Своей недостижимостью безгрешной,
Своей непостижимостью вне слов!

Казалось, вновь вдыхает с высоты
Тот, как когда-то в Альпах, горный воздух!
Как хорошо: мечтой осталась ты,
Навеки близкой ангелам и звёздам!

Так юность — над серебристой головою
Здесь улыбалась Тютчеву светло!
Шептал: “Я встретил Вас, и всё былое...”
Шептал: “... в отжившем сердце ожило!”

АФАНАСИЙ ФЕТ

Играла Листу. Знала ли она,
Что вскоре встретит гения другого,
Что будет жизнь её обожжена,
Нет, сожжена и — в полном смысле слова?..

В его стихах, как и в её мечтах,
Не меньше пело музыки! И грёзы
Любви всплывали в каждой строчке так,
Что прорастали из метафор розы!

Там, в Фёдоровке, за полночь уже
При тусклом свете фонаря цветного
Сидели на диване, и душе
Душа была довериться готова!

О Гёте говорили, а ещё
О Моцарте, о нежном песнопенье,
Особенно, всё чаще, горячо,
Взахлёб об обожаемом Шопене!

Они наговориться не могли,
Касаясь то руками, то плечами.
Но — знал он: расставанье невдали,
Но — слышал: на губах слова прощанья.

Он так и не осмелился сказать
О тайне своего происхожденья.
Но видела тоску в его глазах,
Невысказанность, словно наважденье.

Он так и не раскрыл ей ничего,
Что он поставил цель — дворянский титул,
Что лишь военной службою его
Приобретёт, что ныне — не до быта,

Не до семьи... А ей бы только с ним!
Жизнь без него бессмысленна отныне.
... В тот день вдохнула папиросный дым,
А взгляд вдруг стал страшнее, чем унынье.

Она смотрела, замерев мертво,
Как бабочки спешили роем нежным
На пламя лампы и, летя в него,
Ещё не знали: гибель неизбежна.

Кто боль души остановить бы мог?
Нет сил терпеть. Мария омертвело
Окурок уронила. Огонёк
Вдруг ожил на кисейном платье белом.

Она кричала, в факел превратясь,
Металась и — упала на балконе,
В бессилии вздохнув в последний раз,
Но и м я прошептав в предсмертном стоне...

А что же он? Он тратил годы зря.
Лишь достигал он чина, как ступени,
Отодвигал мечту указ царя,
И вдрызг все цели и... его терпенье.

Он понял: проиграл и тут, и там.
Судьба в насмешку, словно бы играя,
Так жгуче стеганула по мечтам,
Что те чернели клочьями, сгорая...

Теперь постиг: за то, что предаём
Любовь, наметив цели и идеи,
Поплатимся, расплатимся потом.
Поймём, как всё ничтожно перед нею.

Былое не угасло, не прошло.
Огонь Марии будет в нём до смерти
И выжжет душу беспощадно, зло,
И с ним, отчаясь, час последний встретит.

Ещё не знал, что через много лет,
Не выдержав тоски, в слепом угаре
Он схватит со стола стальной стилет
И, обезумев, в грудь свою ударит.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

Она любила! Страстно, всей душой!
Но Вяземский её оставил скоро.
Не разногласье, споры или ссоры, —
Князь попросту женился на другой.

Потом она оплакивала брата,
Кто требовал “к барьеру!” подлеца.
Я, я в дуэли этой виновата! —
Коря себя, молилась без конца...

Души опустошённость исключала
Все радости потом... Позор и мгла...
Ни с кем уже тоски не облегчала,
Любая встреча после злее жгла.

Страдания так долго не стихали,
Но он пришёл — весь преданность и страсть!
Осыпал поцелуями, стихами,
Чтобы служить всю жизнь или пропасть.

Любовь самозабвения полна,
И в ней самодостаточность такая,
Что и не думал: любит ли она?
Люблю! Люблю! — в нём пело не стихая.

Как снова кровь в нём клокотала бурно,
Лишь вспоминал, как, озирая зал,
Её в Большом театре Петербурга
Вдруг в чёрной полумаске увидал!

Не знал: в нём жалость перешла в любовь,
Или любовь в нём высекала жалость?!
Её счастливой сделать он готов!
Их верностью гармония держалась!

В Одессу мчалась, через всю Россию,
Выхаживать лежавшего в бреду.
Забудет ли: вернула жизнь и силу!
Её душа с его душой в ладу!

Он отдал бы карьеру, не цenia,
Блеск флигель-адъютанта в Комитете
И благосклонность нового царя
За лишний час с единственной на свете!

Их встреча — их судьба. Высокий лад!
Он знал: едины. Без её совета
Не написал бы драм, поэм, баллад,
Себя не ощутил бы как поэта.

Так благостно, что сделалось тревожно.
Да, и любовь, и верный друг, жена.
Откуда же — сначала осторожно,
Вдруг к прошлому в нём ревность ожила?

Откуда же страданье так жестоко
И снова себялюбия игра?
Ведь прежде жалость в нём была, и только,
Святой порыв прощенья и добра.

Там, в Пустыньке, гостей на час оставив,
Из дома вышел — вечер мерно мерк,
И звёзды опускались нежной стаей,
Ныряя в Тосну и всплывая вверх.

Раскрылось: что-то лучшее, наверно,
Есть, чтобы целью сделаться для нас!
Через любовь, что стать должна безмерной,
Преобразиться, вырасти сейчас!

Он прошептал: так радостно и просто!
Он вспомнил из Евангеля слова.
“Любовь всё покрывает, — рек апостол, —
И чистым милосердием жива”.

И стыд очистил душу Алексея, —
Он понял, как он мелок, слаб, бескрыл...
Вся ревность, что покуда не осела,
Закрыла сердце — вновь его открыл!

И музыку он вечную услышал,
С которою он важное постиг.
Она в груди звучала или выше?!
Но главное: соединяла их!

БОРИС ПАСТЕРНАК

Там, в Марбурге, неопытный юнец,
Рванулся к Иде всею жаркой силой!
Но положила этому конец,
Его в испуге тут же осадила.

“Нет!” Но не знал, не ведал он еще,
Чем обернётся первое страданье, —
Что Ида! — в нем зажжется горячо
Впервые чудо, жизни оправданье!

Что сколько встреч других ни будет вновь,
Одной любви все это продолженье,
Что в нас Творец вложил ещё с рожденья —
Свой высший дар — превыше всяких слов.

И этот дар поэзией над ним
Определит призвание счастливо,
Отбросив неокантианства дым
И подражанье Скрябинским порывам.

Что поняла Елена про любовь,
Когда в Мучкап летел как-будто к бездне,
Обрушив дождь целительных стихов
На все её внезапные болезни!

Что поняла Евгения, жена,
С обидой за себя не разглядела,
Художница, с кем рядышком жила,
Того, чья высь была его уделом.

Такой заряд любви был вложен Богом,
Что, изумлённый, он смотрел на лес,
На рдест, на речку, на туман над логом,
На каждого, как чудо из чудес.

Ему природа женственной казалась, —
Не оттого ль врывалась в каждый стих
Влюбленностью, где пела несказанность,
Которую, как женщину постиг.

Меж тем, вокруг столетие мужское
Насилья, ссылок, казней и расправ,
И он общался женственной строкою
Лишь с миром сосен, ландышей и трав.

Ирпеньких дач цветочная корзина,
Вся в брызгах Брамса, солнца и бесед!
Средь роз в его глаза глазами Зины,
Сверкая вторгся новой страсти свет!

О, как она смеялась серебристо,
“Да!” — требовал, да сам себя чернил,
И даже был готов к самоубийству,
Вдруг выпив склянку, полную чернил.

Какою стороною теперь открылась
Любовь, в которой тысячи сторон?!
Нет, не одной, наверно! Окрылилась
Душа, в какую новый зов внедрён!

Душа, как мир, любого чувства шире,
И может быть какой-то из сторон
Ему ещё недоставало в мире.
И это понял, встретив Ольгу, он!

Он разрывался меж двумя. Пытали
Его два чувства — страсти и вины.
Он уставал от муки и печали,
Он уставал от собственной войны.

И все ж откуда тихое свеченье
От русой прядки, лунного лица,
И обрученье свыше, обреченье
На счастье и несчастье до конца?!

Прости, Господь! Заряд любви превыше
Всех сил моих, и ныне я молю:
Простишь ли мне раздвоенность мою,
Нестихшие во мне четверостишья?

Разговор с Тобой

* * *

Здесь, в больнице, тяжело с людьми
Говорить на койке мне сегодня.
Лишь с Тобою говорю свободно,
Боже мой, Господь моей Любви!
Нужен ли ещё я, Боже, здесь
Или подошли земные сроки?
Но, как прежде, прорастают строки
Из души, взыскующей Небес!

* * *

Верну ли чувство нежно-молодое?
Нет, ты не виновата. Что роптать?
Так, тая, снег становится водою.
В снежинки воду не вернуть опять.

Все остывает — холод хлынул в дом,
Хоть рядом взгляды теплые и речи.
А что вода — стать может только льдом.
Или вернуться в небеса далече...

* * *

Я повторяю “Отче наш!” —
По комнате с трудом шагая.
Ты снова исцеленье дашь,
От темноты оберегая.

Уйми порывов ложь и блажь,
Чтоб выжила душа больная.
И — повторяю “Отче наш”,
И — “Отче мой!” я прибавляю.

* * *

Слышу близко чьи-то шаги,
О опять повторяю я:
Помоги мне, Господи, помоги!
...Но да будет воля Твоя!

* * *

Листья ровно легли на земле,
Укрывая её
От летящего снега.

* * *

Я болен манией величия.
Мне мнится на тропе земной:
Ты говоришь с одним со мной,
Минуя все иноязычия.
Забыл, что в золотую тишь,
Да, в эти самые мгновенья,
С другим Ты также говоришь,
Кто жаждет, преклонив колени.

* * *

Благодарю, Варган-хирург.
Вы больше для меня, чем друг.
Вы мне продлили жизнь намного,
Тропу, что всё ещё торю.
За всё, за всё благодарю
Спасителей: и Вас, и Бога!

* * *

И я, сам жалкий и беспомощный,
И я скорблю, молю о помощи:
Зачем оставлен я Тобой?
Но никого — от Сына Божьего
До смертного меня, ничтожного
Ты не оставишь, Боже мой!

* * *

Когда я жажду сил, терпенья
Здесь, на больничной простыне,
Мне в это кажется мгновенье,
Что Ты приблизился ко мне!

И чувствую я всей душою
Приток терпения и сил.
Но слышу: “Я всегда с тобою,
Я ни на шаг не отходил”.

* * *

Ты жизнь мою куёшь и правишь,
И всё не знаю я покуда:
Ты на Земле меня оставишь
Иль заберёшь меня отсюда?

Да не унижу, не нарушу
Скорбями, полными унынья,
Ни Твоего великодушья,
Ни мудрости, сокрытой ныне!

Декабрь 2013 г.

ЖИЗНЬ

О, времени земного встреча
С небесной вечностью! Страшась,
Её зовём мы: смертный час.
И каждый день — его предтеча.
Чего же больше в нём: прощанья, —
И не сдержат рыданья мне, —
Иль радостного ожиданья
За обещаьем в вышине?!
Но здесь и там, Творец, я буду,
В любой из двух своих отчизн,
Благодарить Тебя за чудо,
Которое Ты дал мне: ЖИЗНЬ!

КНИГИ ЛЬВА БОЛЕСЛАВСКОГО

- «Первая проталина», 1958
 - «Ливни», 1963
 - «Удары сердца», 1966
 - «Спектр», 1969
 - «Возвышенность», 1971
 - «День радости», 1982
- «Русская симфония», 1987
 - «Клавир», 1989
- «Сын Человеческий», 1990
 - «Море капли», 1992
 - «Озарение», 1993
 - «Ветвь Лозы», 1994
 - «Прелюдии», 1994
- «Музыкальное приношение», 1995
- «Душа моя, душа живая...», 1995
 - «Гефсиманский сад», 1997
- «Блаженны любящие», том 1, 1997
- «Блаженны любящие», том 2, 1998
- «Пред лицом Твоим, Господи...», 1999
 - «Скрябин», поэма, 2000
- «Любовь не перестаёт», книга 1, 1998
- «Любовь не перестаёт», книга 2, 2000
- «Любовь не перестаёт», книга 3, 2002
 - «Дева Пречистая», 2002
 - «Благая часть», 2003
- «Откройся радости, душа!», 2004
- Стихотворения и поэмы в 4 томах, 2004-2005
 - «Вечность мгновения», 2006
 - «Бах», поэма, 2007
 - «Неба открытый урок», 2007
 - «До прикосновения», 2008
 - «Введение во Храм», 2008
- «Вереница новых вариаций», 2008
 - «Не только на Земле», 2008
- «В веянии тихого ветра», 2009
- Стихотворения и поэмы, том 5, 2009
 - «Ручей в небесное море», 2010
- «С любого слова, как с обрыва...», 2010
 - «По милости Твоей», 2011
- «А тайна на чистом листке...», 2012
 - «Восхождение к Духу», 2012
- «Дорастите, стихи, до молитвы», 2013
- Стихотворения и поэмы, том 6, 2013
- «С любовью, музыкой и Богом», 2014

www.boleslavsky.com

E-mail для контактов: lilineiman@gmail.com

